

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ МАЙИ ПЛИССЕЦКОЙ

50 лет творческой деятельности Майи Плиссеской следовало отмечать 1 апреля. Но мы решили иначе. Бе месяц — май. «Лучший месяц в году, все обновляющий — и землю, и душу», — говорит она. — Я очень люблю тепло и очень люблю ощущать, как становится теплее. В мае соединяются эти два ощущения...». Мы поздравляем Майю Михайловну в своем последнем майском номере, на рубеже времен года, когда тепло переходит в зной, весна бросается в объятия лета, а до осени и зимы еще так далеко, что кажется, будто они не наступят вовсе.

Каждый день календаря — за столько-то лет! — наверняка был отмечен для нее каким-либо событием, а может быть, и каждый день каждого года. Но все события, все дни не вместить и в книгу — в ту, например, что пишет она сейчас о своей жизни. Мы предлагаем вашему вниманию календарь условный, не претендующий на «широту охвата», зато с ее собственными «комментариями». Итак...

Январь

— Не люблю зиму. Мне так и не удалось привыкнуть ни к холоду в сердцах людей, ни к холодности природы.

5.I.1979

Первое выступление после продолжительной болезни, после того, как врачи вынесли и были вынуждены, отступив перед силой ее духа, отменить приговор — «танцевать не будет». В тот вечер на сцене Кремлевского Дворца съездов «Умиряющий лебедь» вернул ее к настоящей жизни.

Сколько раз до и после мир зачарованно следил за взмахами ее крыльев. А началось все в 42-м году в Свердловске. Там она впервые симпатизировала этот номер.

— Там все могло закончиться, не начавшись. Моя тетя, решив по ошибке, что театр и школа эвакуируются в Свердловск, отправила меня туда с мамой и братом. А все взяли и уехали в Куйбышев. Год, наверное, я сидела, как в заточении. В конце концов стало ясно: пройдет еще немного времени — и придется навсегда распрощаться с балетом. В Москву вернуться было очень трудно — без специального разрешения не пропускали. Я пробиралась нелегально, пристроившись к какому-то старичку инвалиду. Приехала и в течение нескольких месяцев наверстала упущенное. Ну а потом уже и пошло, и пошло... И вот идет до сих пор.

Февраль

19.II.1956. «Лауренсия».

С детства испанский танец удавался ей лучше других. Она считает его самым содержательным. Ее привлекает его страстность, особая «духовная чувственность» (ее определение). Но когда она танцевала Лауренсию, конечно, еще не задумывалась об этом. Проникалась мятежным духом своей героини, упивалась танцем и

была благодарна Вахтангу Чабукяни за испанскую «солнечность» его хореографии.

Март

9.III.1948. «Бахчисарайский фонтан». Зарема.

Великолепным прыжком она прославилась себя не только в этом балете, но именно в нем был «пойман» кинокамерой ее потрясающий баллон. Наше потрясение она объяснила очень просто: «Дирижер замедлил темп, и мне пришлось «задержаться» в воздухе».

10.III.1950. «Дон Кихот». Кит-ри.

Сколько партий перетанцевала она в этом балете! И вот наконец главная героиня, «Дон Кихот» стал первой (пусть, как она потом скажет, «ненастоящей», «народно-танцевальной») Испанией в ее жизни.

15.III.1992.

Выступление на вечере, посвященном 45-летию творческой деятельности Галины Вишневской, — ее последний выход на сцену некогда родного Большого Театра.

Восхищенные тем, что наконец видят Плиссескую после столь долгого отсутствия, зрители нескромно устроили ей овацию «в рамках торжества» в честь другой актрисы.

Апрель

1.IV.1943.

Вот она — юбилейная дата. В этот день ее приняли в труппу Большого театра.

— Дата своеобразная, не правда ли?

— Да уж. Есть в этом что-то дьявольское — быть зачисленной в день, когда нельзя никому верить.

— Какое впечатление на вас производит то, что вы 50 лет на сцене?

— Жуткое. Мне один молодой человек сказал: «Прожить бы столько хорошо, а не то что протанцевать».

— У вас нет ощущения, что все пронеслось, как один миг?

— Напротив, мне кажется, что я живу долго-долго, с незапамятных времен. Но вообще-то у меня реальное чувство времени. Я всегда правильно определяю возраст людей, время дня или ночи. Год у меня длится год, а пятьдесят лет — пятьдесят. И ни дня не выкинуть.

20.IV.1967.

Смелее в бой! На «арену» вышла ее Кармен.

Это было слишком ярко, слишком неожиданно. И показалось — слишком смело. «Вы сделали женщину легкого поведения из героини испанского народа», — Екатерина Алексеевна Фурцева умела произносить крылатые фразы.

Тому, что сделала она из героини испанского народа, аплодировал весь мир, включая благодарных испанцев. Этот балет стал кульминацией ее испанской темы, которую она опередила так:

«Испанцы все доводят до крайности. И каждый момент жизни для истинного испанца — это восхождение к идеалу. Будь это любовь или свобода».

27.IV.1947. «Лебединое озеро». Одетта—Одиллия.

— В этом озере я «купалась» с 47-го года по 77-й — всю жизнь, можно сказать. Первое выступление прошло, как в тумане. Я страшно нервничала и до самого конца спектакля никак не могла поверить, что я это танцую. Всегда любила этот балет, хотя с годами мне стало казаться, что впервые я станцевала его еще до своего рождения.

Май

— По-моему, имя неплохое, очень богатое значениями, ассоциациями... А иной раз ду-

маю, отчего это я всю жизнь жаюсь, может, этим-то ему и объяснена?

27.V.1980.

«Еретически-гениальная» чеховская «Чайка» обрела свою жизнь в балете. «Сегодня летаю», — говорила она, отправляясь танцевать этот спектакль. Ее руки превращались в крылья чайки легко и «непринужденно». Так же, как и в крыльях лебедя.

23.V.1978.

Творческий вечер в Большом театре. Балеты Бежара «Айседора» и «Болеро».

Итак, Равель, танцуем болеро!

Для тех, кто музыку не сменил на перо, Есть в этом мире праздник изначальный — Напев волынки скудный и печальный...

музыкант», — очевидно, подумала судьба.

— Эта дата для меня — самая-самая, главное не было. Вы не знаете, кто-нибудь когда-нибудь дарил своей жене на день рождения балет? Я — счастливая жена.

— Родион Константинович поздравил вас с юбилеем?

— Зачем бы ему понадобилось поздравлять меня с таким кошмаром?

Ноябрь

20 ноября 1925 года она появилась на свет.

— Ужасный месяц. Сырость, туман, ветер пробирает до костей. Не люблю его и за то, что «прибавил» мне лишний год, — я должна была родиться в январе.

Как бы там ни было, Балету не приходится обижаться на этот месяц.

20.XI.1985.

Получила тот самый подарок Щедрина — балет «Дама с собачкой» Большой театр revel от восторга. Действительно, редко кому выпадают такие дни рождения...

Декабрь

5.XII.1992.

В театральном зале «Эспас Карден» состоялась премьера «Безумной из Шайо».

— Хореография Качиуляну — это заветный день, хоть и «замешана» она на классике. Волновалась я невероятно. И, конечно, в первый раз не может быть все очень здорово. (Впрочем, публике понравилось). Только сейчас, после двадцати представлений, пришло сознание, что это — мое, что я это создала. Семнадцать раз мы дали спектакль в Париже, потом показали его в Токио. А 1 и 2 апреля выступили в прелестном старинном бретанском городке Ренне, где живет и работает группа Качиуляну.

Я всегда знаю, «взяла» я зал или нет. Определяю по его дыханию: кашляют или не дышат? У меня было ощущение, будто я танцую не на публике — такая стояла тишина. Успех был очень большой. А мэром города вручил мне медаль с выгравированной надписью «Майе Плиссеской». Они не отмечали мой юбилей — даты совпали случайно. Но мне было очень приятно это совпадение.

— Вы были счастливы!

— Очень оно трудноуловимо, это ощущение. Но я знаю, что такое счастье. Каждый день работать над новой ролью и — с успехом.

◊

Мы беседовали с Майей Плиссеской по телефону, когда она была в Париже — жила в отеле своего давнего друга Пьера Кардена, отдыхая после ренских выступлений. Но с тех пор она уже успела побывать в Мюнхене, затем — в Литве. И вновь танцевала — в гала-концерте на Японском фестивале и в Каракесе, «вписывая» новые даты в свой календарь. Можно ли пожелать вам вечной весны, Майя Михайловна, или вы уже сами отменили все другие сезоны?

Н. ШАДРИНА.

● Фотография на память о первом интервью. Москва, 1986 год.